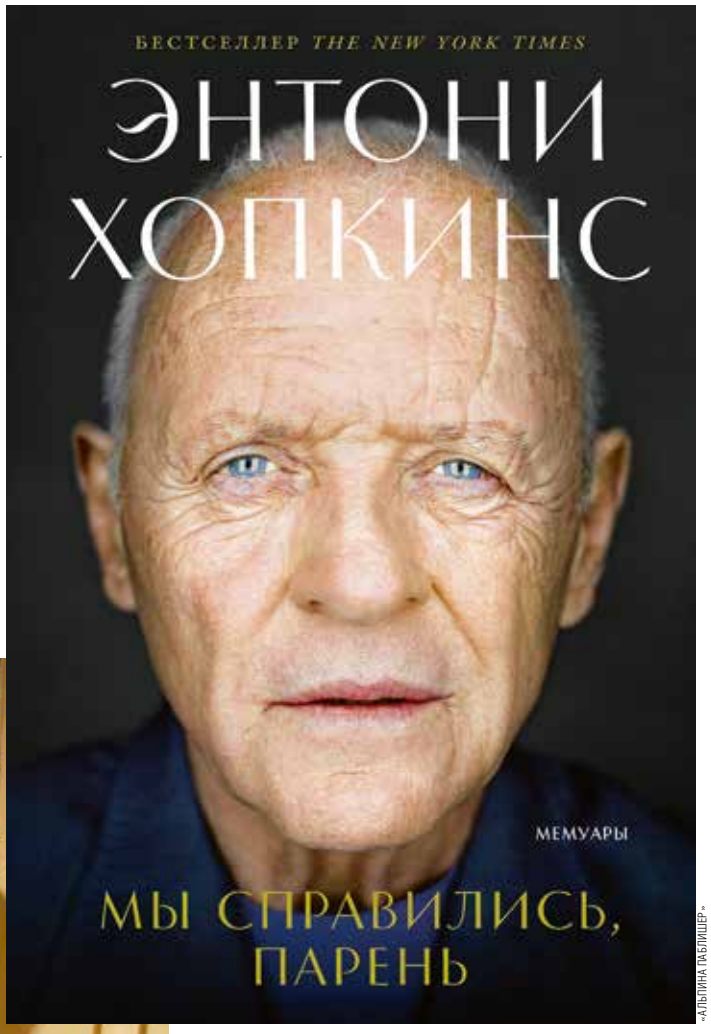
«МЫ СПРАВИЛИСЬ, ПАРЕНЬ»

Откуда родом фирменная невозмутимость Энтони Хопкинса — узнаем из мемуаров легенды Голливуда, выпущенных в июле издательством «Альпина Паблишер»

«АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР»

KINOPOISK.RU

ПРИЗНАЕМСЯ, откровений, еще и на бумаге, мы ждали от него, наверно, меньше всего: и на экране, и в жизни Энтони Хопкинс производит впечатление человека, нарушить внутреннее равновесие которого не под силу даже встряскам тектонической силы. В интервью актер недвусмысленно давал понять, что его сердце не тронет ни «Оскар», ни разрыв отношений с дочерью, а на экране демонстрировал все новые грани искусства идти по жизни, не выходя из себя.

В кино Хопкинс дарит нам интригующую палитру оттенков невозмутимости. В «Молчании ягнят» она пугает и служит одним из инструментов навести ужас: маньяк говорит тихо, у него чуть шелестящий жутковатый тембр, в котором сквозит стальная непоколебимость, он смотрит в глаза собеседнику практически не мигая, достигая гипнотического эффекта. И именно это спокойствие, которое Ганнибал Лектер не утрачивает даже за решеткой, производит самый сильный эффект: кажется, что перед нами человек, способный проходить сквозь стены.

Самообладание дворецкого Стивенса из ленты «На исходе дня» другого свойства: перед нами образец британской сдержанности. Выдать эмоции означает не только уронить лицо, но и потерять работу. Бесстрастность держится на дисциплине, муштре и самоконтроле, за которым скрывается глубокий внутренний конфликт.

В фильме «Отец» невозмутимость главного героя особенно пронзительна. Это история об умении сохранить достоинство и самоиронию в моменты максимальной уязвимости: мы застаем Энтони на финальной стадии деменции.

Именно эту оскароносную ленту показали в июле в Cinema Michèle на спецпоказе в честь выхода мемуаров актера. Хопкинс назвал их «Мы справились, парень», поделившись историей побед над собой и обстоятельствами. Аудитория получила шанс увидеть, что скрывается за легендарной хопкинсовской броней, — и наконец познакомиться со звездой как с человеком.

87-летний мэтр кинематографа разрешил себе публично признать, что жизнь во многом была к нему сурова. Его ломали обстоятельства разного свойства, от отца-алкоголика до внутренних демонов. В своих мемуарах актер выводит формулу выживания, простую, как все гениальное, и сложную в воплощении, как все настоящее.

В этой книге целая вселенная: закулисье золотой эпохи Голливуда, подробности создания культовых ролей, размышления о разрушенной семье, поединок с алкоголизмом и философия человека, который «прожил тысячу жизней».

Что же в сердце? «Неизгладимая метка, впечатанная в мое нутро, — чувство вечной неприкаянности,— раскрывает секрет Энтони Хопкинс.— Но я оказался крепким орешком. Именно таким был мой отец — не признавал ни глупостей, ни нежностей. Его главное наставление: “Просто делай свое дело. Держи хвост пистолетом и не ной”. Неплохой совет. И второй: “Жизнь — штука суровая. Ну и что? Не сдавайся”. Жестковато, конечно, но это помогло мне выстоять».

Этот непроницаемый взгляд не дался ему даром. «Чем больше оплеух я получал, тем активней пускал в ход свой главный трюк выживания — взгляд, полный безмолвной, непробиваемой отрешенности,— делится с читателями актер.— Этот взгляд выражал мое полное равнодушие к окружающей враждебности. Никакой реакции. Смотреть в упор. Делать вид, что их не существует. Мне нравилась эта новообретенная сила. Не показывать боли! Зарыть боль поглубже, замести ее под ковер и идти дальше. Взрослых это бесило — а мне только того и надо было».

Перед нами история талантливого актера и неординарной личности — человека, который в конце своего жизненного пути нашел в себе силы быть искренним. И поэтому у книги хорошие шансы найти отклик не только у синефилов и поклонников творчества Хопкинса, но и у тех, кто любит сильные жизненные истории.

«Актеры привыкли играть других людей, и в силу природы своей профессии у них иногда возникают сложности с тем, чтобы изобразить самих себя, особенно на бумаге. Но перед нами совсем не тот случай,— отметил, представляя новинку на спецпоказе в Cinema Michèle кинодраматург, композитор, редактор “Подписных изданий” Артем Макоян.— В этой книге довольно много личных подробностей, которые совершенно не ожидаешь от него услышать и которые, как ты постепенно понимаешь, и определили то, каким он стал».

Первые детские воспоминания со временем часто стираются из памяти, размываются, обрастают фантомными деталями. Для Энтони Хопкинса одно из самых значимых сохранила фотография, в диалоге с которой и родилось в итоге название его литературной исповеди. «Замешкавшись, я уронил леденец в песок и разревелся,— вспоминает актер.— Отец с Клиффом только рассмеялись. Мне дали вторую конфету. Отец наклонился, чтобы меня успокоить. Слезы высохли. Клифф сделал фото. Одно из самых ранних моих воспоминаний. Мне было три года. Сейчас, в свои 87, я иногда поглядываю на этот снимок, и мне так и хочется сказать тому растерянному мальчугану: “Мы справились, парень”».

В каком-то смысле эта книга — пожелание. Пожелание справиться всем тем, кого она застала в период внутренней или внешней турбулентности, в моменты уязвимости, потери надежды или просто жестокой усталости. В окаянные дни, когда не видишь горизонт и держишься на морально-волевых, когда остаешься один на один со своими страхами и самый верный друг — бутылка, когда путаешь своих с чужими и теряешь доверие даже к себе. И определенно известно: тех, кто справится, теперь точно будет больше. Спасибо, сэр Энтони Хопкинс!

Галина Столярова